

Эта история началась около трёх месяцев назад, на исходе лета.

Одним ясным утром, едва ученики закончили утренние упражнения, в ворота долины Сяояо постучались гости. Глава эскорта Фань, в сопровождении нескольких телохранителей, прибыл с визитом, прося аудиенции у главы школы.

Как говорится, без нужды порог не обивают. Глава эскорта Фань проделал огромный путь из зажиточного Цзяньнаня в Срединные равнины не просто так. Он явился просить школу Сяояо — во имя братских уз, связывающих праведные ордена Цзянху, — выделить двух-трёх умелых учеников для охраны важного груза.

Не прошло и получаса с тех пор, как гость изложил свою просьбу главе и старейшинам, а новость уже разнеслась по всей долине. О ней шептались все — от старших учеников-распорядителей до самых юных послушников, только вчера переступивших порог школы.

Шэнь Цинчжоу, будучи личным преемником одного из легендарных «Пяти бессмертных Сяояо», имел полное право присутствовать при разговоре. Однако у него не было ни малейшего желания туда идти. После трагедии прошлых лет от его бывшего юношеского пыла и благородных порывов не осталось и следа. Мирские раздоры и интриги Цзянху его больше не трогали.

Лишь в сумерках, во время ужина, Шэнь Цинчжоу разыскал его близкий друг — младший шишу, Цуй Цзинсин. Без лишних предисловий он выпалил:

— Эскортное агентство «Небесный тигр» созывает союзников со всего Цзянху. Поговаривают, они как-то перешли дорогу Дворцу Лазурного нефрита. Те уже во всеуслышание заявили, что разнесут эскорт в щепки и растопчут их имя так, что Фаням больше никогда не отмыться от позора.

Сам Глава эскорта Фань и его люди прекрасно понимали: тягаться со Дворцом Лазурного нефрита в одиночку — всё равно что бросаться с яйцом на скалу. Но вызов брошен. Сдаться без боя — значит собственноручно растоптать свою репутацию, даже чужого вмешательства не потребуется.

Оказавшись в безвыходном положении, Глава эскорта Фань, наступив на гордость, вместе с горсткой верных соратников пустился в разъезды, умоляя о помощи. В юности он числился среди мирских учеников Удана, так что заручиться поддержкой родной обители оказалось делом нехитрым. Более того, настоятель Удана лично составил несколько посланий главам крупнейших праведных орденов, призывая их поддержать Эскортное агентство «Небесный тигр». Одно из таких писем привело просителей в Школу Сяояо, чей орден обычно сторонился мирской суеты.

Младший шишу, бывший почти сверстником Шэнь Цинчжоу и во многом деливший с ним весёлый нрав, общался с племянником на равных, без лишних церемоний.

— Наш глава точно согласится, — заговорщически подмигнул он. — Даже если ему плевать на Эскортное агентство «Небесный тигр», отказать самому настоятелю Удана он не посмеет. Слушай, Вэньгуй, ты ведь давно искал повод попортить кровь паршивцам из Дворца Лазурного нефрита? Он ещё не выбрал, кого отправить. Беги к нему и вызовись сам. Он только обрадуется!

Шэнь Цинчжоу, однако, уловил в этих речах некую странность. Уведя шишу подальше от посторонних ушей, он неторопливо направился с ним в сторону лесистых склонов задней горы. Убедившись, что вокруг ни души, он высказал свои сомнения:

— Слишком гладко стелешь, шишу. Тебе не кажется, что здесь кроется какой-то подвох? Глава эскорта Фань держит дела в своих руках уже двадцать лет, и за это время у него не пропало ни единой нитки. Его уважают и законники, и разбойники. С чего бы ему поднимать такой шум из-за Дворца Лазурного нефрита? Это просто не вяжется с его характером.

Дворец Лазурного нефрита хоть и пользовался дурной славой из-за своей тяги к плотским утехам и неумеренной роскоши, всё же не состоял из отпетых душегубов. Прежние владыки ордена почти не вмешивались в дразги праведных школ. Шэнь Цинчжоу шёл по их следу уже не один год и прекрасно знал, насколько эти люди скрытны и неуловимы. Ему было трудно представить, чем именно такое солидное агентство, как Эскортное агентство «Небесный тигр», могло так сильно разозлить гнездо сибаритов.

Цуй Цзинсина подобные тонкости не заботили — в своём нежелании вникать в мирские заботы он легко мог дать фору собственному племяннику. Выслушав сомнения Шэнь Цинчжоу, он лишь беззаботно отмахнулся:

— Да какая тебе разница, подвох там или не подвох? Ты ехать-то собираешься? Я ведь только из лучших побуждений прибежал, боялся, что ты упustiшь отличный шанс. Дело благородное — защитить собратьев, поднять престиж школы. И главное, тебе не придётся тайно сбегать из долины, из-за чего первый и второй старшие братья опять вцепятся друг другу в глотки, выясняя, кто недоглядел. И на дорожные расходы можно вытрясти серебра у самого главы! Чистая выгода, со всех сторон посмотри.

Шэнь Цинчжоу невольно усмехнулся. Вид раскрасневшегося, размахивающего руками шишу вызывал у него смесь жалости и смеха.

— Даже если я сам вызовусь, — со вздохом покачал он головой, — сомневаюсь, что многоуважаемый Глава-шибо так легко согласится...

— Да брось ты! — зычно расхохотался Цуй Цзинсин. — Наше поколение в это дело соваться не станет, а среди молодых... раз уж Юньхэ больше нет с нами, ты у нас лучший из лучших. Как бы первый старший брат ни исходил желчью, его мнение никого не волнует. Сам виноват, что его...

— Шишу! — резко оборвал его Шэнь Цинчжоу, грустно покачав головой. — Давай не будем об

этом.

Цуй Цзинсин осёкся. Он порывался продолжить, но, натолкнувшись на угасший, полный тоски взгляд племянника, лишь беззвучно приоткрыл рот, так и не решившись вымолвить ни слова. Былое красноречие испарилось без следа.

Шэнь Цинчжоу укорил себя за секундную слабость. Чтобы разрядить неловкую тишину, он шутливо согнулся в глубоком, преувеличенно почтительном поклоне и забавно изобразил, будто утирает горячие слёзы рукавом:

— Премного благодарен дражайшему Младшему шишу за неустанную заботу о неприкаянном племяннике! Сию же минуту бегу к главе. Даже если он смешает меня с грязью, костями лягу, а разрешение покинуть долину выбью! Не могу же я дать пропасть вашим великим трудам.

— Вот это другой разговор! — Цуй Цзинсин хохотнул, но смех вышел натянутым. Качнув головой, он отвесил парню увесистый подзатыльник и беззлобно выругался: — Недотёпа. Юньхэ бог весть сколько лет как ушёл, а ты всё продолжаешь душить себя этой тоской, точно гусеница в коконе!

— В коконе, говоришь? — тихонько повторил Шэнь Цинчжоу и, нацепив самую беззаботную из своих улыбок, подмигнул: — Разве я похож на милого шёлкового червячка, Младший шишу?

В ответ Цуй Цзинсин лишь скорчил презрительную гримасу и шутливо замахнулся ногой, целясь племяннику пониже спины:

— С глаз моих сгинь!

Шэнь Цинчжоу легко уклонился и с весёлым смехом умчался прочь. Лишь отбежав шагов на десять, он обернулся. Шишу всё так же стоял на тропинке, глядя ему вслед со странной грустью. У Шэнь Цинчжоу защемило сердце.

Юньхэ... Это было вторым именем его старшего брата, Сун Сяо. Во всей школе Сяояо, пожалуй, не осталось никого, кроме простодушного, острого на язык и обладающего высоким положением шишу, кто осмелился бы столь открыто произносить это имя в присутствии Шэнь Цинчжоу.

Наверное, лишь такой искренний человек, как Цуй Цзинсин, понимал: раны, оставленные предательством близкого человека, не затянутся сами по себе, даже если наложить на эту тему строжайшее табу.

И всё же шишу категорически не желал, чтобы племянник сам заживохоронил себя в прошлом, до конца дней оставаясь пленником кошмара той роковой ночи.

Сам Шэнь Цинчжоу давно перестал оправдываться — ему попросту не хватало сил. То, к чему он упорно стремился все эти годы, невозможно было облечь в слова. Попробуй он объяснить — это прозвучало бы как бред безумца.

Собравшись с духом, он направился к главе школы, Е Чжэнци. К великому удивлению Шэнь Цинчжоу, суровый Глава-шибо, который в последнее время при каждом удобном случае любил устраивать ему трёпку, выслушал предложение помочь Эскортному агентству «Небесный тигр» без единого возражения. Он не только сразу дал своё согласие, но и на удивление мягко поинтересовался, кого из учеников Шэнь Цинчжоу хотел бы взять себе в спутники.

Шэнь Цинчжоу тут же насторожился. Словно невзначай он назвал имена двух любимых учеников главы, но заметил, как тот едва заметно нахмурился. Мгновенно всё поняв, парень с улыбкой пошёл на попятную:

— Впрочем, из-за такого пустяка негоже отвлекать старших братьев от тренировок.

И он предложил кандидатуры нескольких посредственных, но давно живущих в долине послушников из ветвей главы и четвёртого шишу. Как он и ожидал, Е Чжэнци тут же одобрительно погладил бороду и закивал.

Теперь сомнений не осталось: миссия Эскортного агентства «Небесный тигр» — далеко не обычная охрана повозки с добром. Это дело пахло крупным заговором.

Поздним вечером, закончив обязательное созерцание в уединённой обители на заднем склоне, Шэнь Цинчжоу сел медитировать, сжимая в ладонях верный клинок. Однако сосредоточиться и укротить бушующую внутри ци никак не удавалось. Мысли путались.

Его жилище представляло собой на редкость неказистую деревянную лачугу. Шэнь Цинчжоу сам рубил для неё сосны и бамбук, пытаясь следовать чертежам какого-то плотника, пока Младший шишу изо всех сил «помогал», на деле лишь путаясь под ногами и создавая невообразимый хаос. В итоге домик вышел кособоким и хлипким.

Закончив постройку, юноша испросил дозволения у наставника и главы отселиться подальше от общего общежития. С тех пор он жил здесь отшельником.

Собратья сочувствовали его безграничному горю и надломленной душе. И хотя подобное уединение шло вразрез с вековыми уставами школы, старейшины закрывали глаза на его чудачества.

Шэнь Цинчжоу уже потянулся к столу, намереваясь задуть тусклый огонёк масляной лампы и лечь в постель, как вдруг его чувства обострились. Снаружи кто-то стоял.

Схватив меч, он бесшумно толкнул дверь и выскользнул на крыльцо. В серебристом свете луны

посреди крошечного дворика высился рослый, широкоплечий мужчина в простом сером халате. Его осанка выдавала величие и негибкую силу.

Шэнь Цинчжоу обомлел и поспешно опустился на одно колено:

— Учитель.

Ночным гостем оказался его наставник — первый среди «Пяти бессмертных Сяояо», великий мастер Ли Хаоцан, известный в Поднебесной как Рассеянный небожитель. Несмотря на то, что он разменял шестой десяток, его спина оставалась прямой, как храмовая колонна, а суровые черты лица казались высеченными из горного гранита. На вид ему нельзя было дать больше сорока. Окинув ученика бесстрастным взглядом, он негромко произнёс:

— Встань, Юань-эр.

— Учитель, пройдёте в дом? — Шэнь Цинчжоу поднялся, с опаской разглядывая каменную маску на лице наставника. Про себя он гадал:

«Неужели и его привела весть об Эскортном агентстве «Небесный тигр»?»

Ли Хаоцан брезгливо скользнул взглядом по кривым стенам бамбуковой хижины. Его голос прозвучал сухо:

— В этом курятнике найдётся место хотя бы для двоих?

— Пара циновок отыщется... — смущённо пробормотал юноша.

— Не стоит, — великий мастер царственным жестом взмахнул широким рукавом, наотрез отказываясь переступить порог этого сомнительного жилища. Вперив пронзительный взгляд в лицо ученика, он спросил: — Ты вызвался сопровождать караван Эскортного агентства «Небесный тигр» только ради того, чтобы выйти на Дворец Лазурного нефрита?

Шэнь Цинчжоу почтительно склонил голову:

— Да, учитель. Пока я не узнаю правду о случившемся, мне не обрести покой.

Ли Хаоцан долго хранил молчание. Наконец, вздохнув, он произнёс:

— Груз, который везёт Глава эскорта Фань, — непростой. В этом деле замешан императорский двор. Если у тебя есть возможность отказаться — останься в долине.

— Двор? — Шэнь Цинчжоу искренне изумился. Нахмурившись, он задумчиво покачал головой:
— Разве Дворец Лазурного нефрита пойдёт на такое? Ради глупой мести какому-то эскорту они рискнули бы перебежать дорогу властям? Это совершенно на них не похоже.

— Нет, — возразил Ли Хаоцан. — По словам Главы эскорта Фань, всё устроено так, чтобы не привлекать лишнего внимания. Для внешнего мира это обычный заказ от купцов.

Шэнь Цинчжоу опасно прищурился.

— Но признался ли Глава эскорта Фань, как именно они умудрились поссориться с Дворцом?

— Юлил, уходил от ответа, — коротко отрезал наставник. Его тяжёлый, давящий взгляд, словно два раскалённых угля, вонзился в лицо юноши. — Юань-эр... ты всё ещё не отпустил прошлое?

Шэнь Цинчжоу прикусил язык. Наставник никогда не отличался многословием, но всегда относился к нему с отеческой теплотой. И всё же глубокое почтение частенько граничило в душе юноши со страхом — перед Рассеянным небожителем он никогда не позволял себе лишнего.

Ли Хаоцан тяжело, со свистом выдохнул, и в его обычно ледяном голосе прорезалась глухая боль:

— Да что говорить о тебе... Я и сам в последнее время просыпаюсь посреди ночи в холодном поту. Меня гложет раскаяние. Почему я вовремя не разглядел, какая непосильная ноша давила на плечи Сяо-эра? Если бы я заметил это раньше, он бы не сошёл с ума от искажения ци. Вы не стали бы врагами, а он не скатился бы во тьму, сгинув невесть где.

— Учитель! Умоляю вас, скажите... — Шэнь Цинчжоу внезапно рухнул на колени, со стуком прижавшись лбом к сырой земле. Его плечи мелко дрожали от подступивших слёз. — Что произошло в тот день после того, как я лишился чувств?

Все эти годы старейшины, братья по оружию и даже его собственные родители хранили гробовое молчание о том, как именно израненного юношу доставили обратно в долину. И теперь, почуяв, что наставник готов приоткрыть завесу тайны, Шэнь Цинчжоу не мог упустить этот единственный шанс. Не дождавшись ответа, он похолодел от ужаса и принялся отчаянно биться лбом о каменистую почву.